

СТАРООБРЯДЦЫ В ТУВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И В ПЕРИОД ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

OLD BELIEVERS IN TUVA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AND UNDER PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Маргарита П. Татаринцева

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Margarita P. Tatarintseva

Tuva Institute for the Humanities and
Applied Socioeconomic Studies

Целью статьи является анализ особенностей культуры и существования старообрядческой общности в Туве в начале XX века, а также в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Материалами выступили общие исследования по истории и культуре старообрядчества в России и Сибири, а также документы из Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

The article aims to analyze the specifics of culture and everyday life of the Old Believers' (staroobryadtsy) community in Tuva at the beginning of the 20th century, as well as under the People's Republic of Tuva (1921-1944). Our study was based on research in the general history and culture of Old Belief in Russian and Siberia, as well as on the documents from the research archive of Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies.

Переселившиеся в Туву (Урянхайский край) в конце XIX — начале XX века старообрядцы, общая численность которых составляла примерно треть от всех русских переселенцев, в первые десятилетия находились здесь в относительно благоприятных условиях. Тува для них была удаленным местом, благоприятным для соблюдения политики изоляционизма; здесь они искали землю обетованную, недостижимую для «слуг антихриста» (царских чиновников) — Беловодье; край, богатый природными даров, рассматривался ими как место, где каждый трудолюбив-

Old Believers who settled in Tuva (Uryankhaisky Krai) in late 19th – early 20th century accounted for about a third of all Russian settlers. For the first two decades, their situation in the region was relatively favorable. For them, Tuva was a faraway region that suited well their isolationist lifestyle. It was the Promised Land, the Belovodye which 'Antichrist's henchmen' (Russian government officials) could not reach. In the natural abundance of Tuva they saw a country where every hard-working Christian could

Татаринцева Маргарита Петровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

Tatarintseva Margarita Petrovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Sector of Culture, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

вый христианин может успешно вести собственное хозяйство. Хотя обживание новых, далеко не всегда благоприятных для ведения крестьянского хозяйства мест было связано с немалыми трудностями, старообрядцы сумели адаптироваться к изменившимся природно-климатическим условиям, сумели установить приемлемые взаимоотношения с местными властями, которые не особенно вмешивались в их жизнь. Старообрядцы занимались, наряду с земледелием и скотоводством, охотой, рыболовством, промыслами, ремеслами, торговлей.

Положение староверов сильно осложнилось, когда в ТНР в 1930-е годы был взят курс на ускоренное строительство социализма, в стране началась борьба с религией. Те из старообрядцев, кто по религиозным мотивам упорно отказывался изменить свой образ жизни, идти в армию и т. д., а также монахи, служители культа осуждались на длительные сроки, которые отсидживали за пределами Тувы. Уверующих резкое неприятие вызывали переписи, паспортизация, принуждение отдавать детей в школу, где их учили безбожью и т. д. Старообрядцы семьями удалялись «спасаться» в глухую тайгу, горы, где нередко погибали, некоторые даже совершали акты коллективных самоубийств. Тем не менее, старообрядчество выжило в этих условиях и в Туве, продолжает существовать до сих пор.

Ключевые слова: Урянхайский край; Тувинская Народная Республика; Тува; старообрядцы; история Тувы; репрессии; русские в Туве

become master of his own household. Although settling in the new land with its often adverse conditions for farming could prove difficult, Old Believers managed to adapt to the new climate and build good relations with the local powers which rarely intervened into their lives. Alongside with farming and cattle breeding, Old Believers were involved in hunting, fishing, crafts and trade.

Their situation, however, worsened when the People's Republic of Tuva (PRT) in the 1930s accelerated the Socialist reforms and implemented an anti-religious policy. Those Old Believers who refused to change their lifestyle due to religious considerations (i.e., evaded military conscription, etc.), as well as clergy and monks, were given prison sentences that they had to serve outside Tuva. Old Believers protested against censuses, introduction of mandatory passports, universal education (at schools where atheism was an official policy), etc. Many families tried to find 'salvation' by fleeing deep into the heart of the taiga or into the mountains where many died, some by their own hand in collective suicide. Nevertheless, Old Belief in Tuva survived and still exists at the moment.

Keywords: Uryankhaisky Krai; People's Republic of Tuva (PRT); Tuva; Old Believers; history of Tuva; repressions; Russians in Tuva

Введение

Старообрядческая конфессиональная группа занимала значительное место в российском обществе на протяжении длительного времени его истории (раскол произошел в середине XVII века). Гонения и притеснения заставляли староверов покидать обжитые места и расселяться там, где их не смогли бы достать ни светские, ни церковные власти, где они могли бы свободно исповедовать старую веру. Так, ближе к концу XIX века старообрядцы стали проникать на территорию Урянхия (прежнее название Тувы), хотя Урянхай не входил в состав России, и обживать эти отдаленные, глухие, малонаселенные места. Переселялись в основном крестьяне, хотя староверы встречались и среди купцов.

История старообрядцев в Туве долго оставалась неизученной, в литературе о Туве лишь изредка находим упоминания о них, а если эти упоминания относились к советской эпохе, то носили чаще всего негативный оттенок. В постсоветское время исследования старообрядчества в Туве (в том числе выполняемые автором данной статьи) получили новый импульс и были связаны с интересом общества и исследователей к традиционным религиям в республике, в регионе,

в стране (Стороженко, 2004; Татаринцева, 2006, 2015; Рукавицына, 2009; Бойко, 2011; Walters, 2001 и др.). Тем не менее далеко не все аспекты темы исследованы.

Целью настоящей статьи будет анализ особенностей культуры и существования старообрядческой общности в Туве в начале XX века, а также в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Материалами выступили общие исследования по истории и культуре старообрядчества в России и Сибири, а также документы из Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Поиски Беловодья

Все своеобразие старообрядческого движения, его часто трагическая история были связаны с упорным отстаиванием религиозных убеждений, хотя это народное движение имело также мощные социальную и культурную составляющие. Но в первую очередь стремление сохранить веру отцов — «древлеправославие» — старую веру, определяло все в жизни многих старообрядцев — от места жительства, как уже говорилось, удаленного и уединенного, выбранного часто не по своей воле, а из желания уйти от преследователей, от иноверческого окружения (изоляция), до образа жизни, жизненного уклада и внешнего вида. Тува, или в начале XX в. — Урянхайский край — был для старообрядцев одним из таких удаленных мест.

Еще одной причиной переселения в Туву являлось то, что наиболее истово верующие старообрядцы надеялись именно здесь найти землю обетованную, недостижимую для «слуг антихриста» (так называли они царских чиновников) — Беловодье, много легенд о котором было сложено в среде староверов. И наконец, хозяйственная предприимчивость, трезвый практицизм подсказывали крестьянину, что наличие свободных земель, богатая зверем и орехом тайга, изобилующие рыбой реки и озера края позволят каждому трудолюбивому христианину успешно вести собственное хозяйство.

Староверы-переселенцы оказались в стране с иной языковой средой, иным укладом жизни, религиозными и культурными традициями. Тем не менее, они стремились и в новых краях воссоздать традиционный для них жизненный уклад, строго соблюдать религиозные правила, обряды и в целом сумели неплохо адаптироваться к местным условиям.

Стремясь сохранить в чистоте свою старую веру и воспитывать в ней своих детей, избежать мирских соблазнов и обмирщения, они и селились в глуши, если там были какие-то условия для хозяйствования, адаптировались к новым местам, успешно окультуривали их и вели свои хозяйственные дела. Но могли все оставить, перебраться в другие, еще более отдаленные места и начинать все сначала, если какие-то обстоятельства угрожали их идеологии, их архаичным

формам православия, которое и называется староверием.

Не желая смешиваться с «никонианами», старообрядцы в Туве в основном компактно расселились в верховье Малого Енисея, а также в Тандинском и Тоджинском кожуунах, держались сплоченно, имели молельные дома и наставников — уставщиков (беспоповцев). Хотя среди переселившихся в Туву были представители разных небольших толков, постепенно численно преобладающими стали беспоповцы часовенного согласия, беспоповцы поморского толка и поповцы белокриницкого согласия, у которых была старообрядческая церковь в с. Медведевка.

Строго придерживаясь дониконовских старинных церковных правил, обрядов, обычаев, старообрядцы связывали эту старую обрядность с элементами традиционной русской бытовой культуры, и материальные формы культуры рассматривали уже как некую божественную сущность, часть старой веры, непременную принадлежность старообрядчества и крепко держались за них. Примером могут служить старинные предметы культа — лестовка, подручник, в настоящее время сохранившиеся лишь у старообрядцев, традиционная одежда, борода у мужчин, всегда покрытая голова у женщин, особые надгробные сооружения и многое другое. Как пишет И. А. Кремлева, «включение бытовых явлений в число религиозных предписаний придавало особую живучесть многим элементам русской традиционной культуры» (Кремлева, 1997: 716).

Консерватизм, настороженное отношение ко всяким новшествам и были тем самым главным инструментом, который позволял староверам сохранять, канонизировать не только религиозную старину, но и бытовую. «Консерватизм — стержень умонастроения и поведения старообрядцев, элемент их учения», — отмечает Д. С. Расков (Расков, 2001: 45).

Важной частью старообрядческого учения является идея спасения души. Земная жизнь — это лишь приготовление к жизни вечной, а лучший способ приготовиться к жизни вечной — отшельничество, «пустынничество», то есть жизнь, удаленная от грешного мира, его суеты и соблазнов, аскетическая и смиренная, посвященная Богу, молитвам, спасению души. Отсюда популярность среди старообрядцев раннехристианских идей пустынничества, скитничества для религиозно-нравственного совершенствования человека. Аскетически строгая, смиренная и уединенная жизнь в скиту, особенно под конец земной жизни — идеал для старообрядца. Иночество и отшельничество в Сибири особенно были развиты у старообрядцев часовенного согласия, это имело место и в Туве.

В книге Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой о скитах Верховья читаем следующее: «Скиты верховья Малого Енисея возникли в феврале 1917 года после переселения сюда с Урала одного из осколков знаменитого скита о. Нифонта. В тувинском списке Родословня часовенного согласия, составленном о. Нифонтом

в 1887–1890 гг., имеется приписка, сделанная руководителем тувинских скитов о. Палладием. В ней он излагает следующую линию преемственности скитских игуменов Тувы XX века: (о. Нифонт) — о. Сергей, — о. Игнатий, — о. Палладий» (Покровский, Зольникова, 2002: 465).

Репрессии в ТНР в 1930–1940-е годы

Верхнеенисейские скиты-монастыри («святая земля») и отшельнические поселения монахов-подвижников веры играли важную консолидирующую роль для всего старообрядческого населения. Велико также их значение в деле сохранения старообрядчества как особой этноконфессиональной группы в Туве, в упорном противостоянии их административному нажиму и насаждению безбожия, которые начались в 1930-е годы. Тогда правительство Тувинской Народной Республики и Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), копируя советские методы ускоренного строительства социализма (создание коммун, колхозов, раскулачивания и т. д.) и борьбы с классовыми врагами, среди русского населения видело своих противников в первую очередь в лице твердых в своих религиозных убеждениях, крепких, самостоятельных хозяйственников-староверов. На старообрядцев обрушились гонения, притеснения, раскулачивания и высылки.

Из воспоминаний старожилов известно, что в 1930–1940 годы власти ТНР боролись с монахами-вероучителями и наставниками как с врагами народа и нередко под конвоем вывозили их из республики. По дороге в Кызыл монахам приходилось вместе с конвоирами ночевать в крестьянских избах. Очевидцы утверждают, что некоторые из монахов-мужчин под одеждой носили железные цепи — вериги для умерщвления плоти. «Сверху привезли в Медведевку монаха, цепи на нем крест-накрест вросли в тело», — вспоминает один из очевидцев, житель Каа-Хемского кожууна (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований — далее НА ТИГПИ. Д. 981]. Об отце Палладии у местного населения также существует предание, что он под одеждой носил цепи (НА ТИГПИ. Т. 308, Д. 2195).

В Туве монастыри-скиты никогда не были большими по количеству строений и насельников, но они всегда пользовались огромным авторитетом и уважением у верующих за непрерывный молитвенный труд и аскетический образ жизни его обитателей, туда верующие в трудное время шли за моральной поддержкой и духовной помощью.

Жизнь в монастырях основывается на строгих христианских правилах, изложенных в «Кормчей». Монашество — это суровое, духовно смиренное житие, подчиненное строгому уставу. Молитвенный труд — самое главное в монашеской жизни, она и состоит в основном из многочасовых дневных и ночных мо-

лений перед образами со свечой или лампадой и чтения священных старопечатных книг. В удаленных от мира скитах и тайных одиночных «пустынях» десятилетиями скапливались старинные фолианты, редкие книги и иконы, предметы культа, образуя ценные собрания сакралий и раритетов. То же наблюдалось и в Туве.

В 1930–1940-е годы те из глубоко верующих старообрядцев, кто по религиозным мотивам упорно отказывался изменить свой образ жизни, идти в армию и т. д., а также монахи, служители культа, не сумевшие избежать ареста, обычно осуждались на длительные сроки, которые отсиживали за пределами Тувы. Арестовывались и высылались, как правило, духовные лидеры, а также наиболее грамотные, стойкие духом, твердые в вере.

Все более усиливающееся государственное давление в эти годы, бесцеремонное вмешательство в их обычно закрытую для «чужих» жизнь, насаждение атеизма связывалось старообрядцами с приходом антихриста и приближением конца света. Они были убеждены, что своих сторонников антихрист будет отмечать печатью. Такой печатью старообрядцы стали считать всякую регистрацию актов гражданского состояния, официальные списки, подписи, справки, фотографии, даже отметины на теле человека после прививок.

По воспоминаниям старожилов, резкое неприятие и даже панический ужас в 1930-е годы вызывали у старообрядцев переписи, паспортизация, принуждение отдавать детей в школу, где их учили безбожию и т. д. Во всех этих действиях властей старообрядцы видели знамение антихриста, и было немало случаев, когда они всей семьей удалялись «спасаться» в глухую тайгу, горы, где нередко погибали. Неоднократно в Верховье были случаи одиночных и коллективных самоубийств удалившихся. «К кедру была привязана икона, молились и бросались в воду» (НА ТИГПИ. Д. 714). Так же, случалось, поступали и те, кого «выводили» из тайги под конвоем — монахи, уклонявшиеся от призыва в армию и др.

Действия властей по уничтожению культовых сооружений и предметов культа, самих служителей культа верующие считали кощунством, святотатством, эсхатологические настроения среди них в такой напряженной обстановке особенно усиливались. Ведь борьба с верой, проповедь безбожия — это те признаки, по которым узнается антихрист, по мнению староверов.

Официальная статистика умалчивает о количестве репрессированных старообрядцев в Туве и о числе покончивших с собой. Из воспоминаний очевидцев и печати известно, что радикально настроенные старообрядцы поодиночке и целыми семьями сжигали себя, топились, замерзали в тайге или морили себя голодом. Были случаи, когда удалившихся замерзать искали и находили, но часть семьи, старики и дети, как более слабые, уже погибли, или погибшими были все члены семьи.

Однако следует сказать, что далеко не все старообрядцы поддерживали идею самоубийства, поповцы, например, считали грехом «гари», «морения» и прочие способы добровольного ухода из жизни старообрядцев, не желавших подчиняться антихристу.

Заключение

Так, переселившиеся в Туву в конце XIX — начале XX века старообрядцы, общая численность которых составляла примерно треть от всех русских переселенцев, в первые десятилетия проживания в Туве находились в относительно благоприятных условиях. Они сумели установить приемлемые взаимоотношения с местными властями, которые не особенно вмешивались в их жизнь, были недостижимы до властей церковных. Хотя обживание новых, далеко не всегда благоприятных для ведения крестьянского хозяйства мест было связано с немалыми трудностями, старообрядцы сумели адаптироваться к изменившимся природно-климатическим условиям, занимаясь, наряду с земледелием и скотоводством, охотой, рыболовством, промыслами, ремеслами, торговлей.

Положение их сильно осложнилось, когда во времена ТНР Тувой был взят курс на ускоренное строительство социализма и в стране началась борьба с религией, а гонения на религиозных лидеров стали распространенным явлением. Надо сказать, что тогда пострадали не только духовные лидеры староверов, уничтожению и ссылке подлежали православные священники, ламы, шаманы. Однако старообрядцы в целом сумели выжить и в этих условиях, по-прежнему оставаясь стойкими приверженцами старой веры. Для многих из них Тува стала и навсегда останется родиной, самым любимым местом на земле.

В настоящее время в Туве живет уже пятое-шестое поколение старообрядческих семей, в прошлом выходцев со всей России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко, Е. С. (2011) Материнская речевая деятельность в социуме староверов на Енисее. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. 328 с.

Кремлева, И. А. (1997) Старообрядчество // Русские / отв. ред. В. А. Александров. М. : Ин-т этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 828 с. С.710–721.

Покровский, Н. Н., Зольникова, Н. Д. (2002) Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблема творчества и общественного сознания. М. : Памятники исторической мысли. 471 с.

Расков, Д. С. (2001) Хозяйственная этика русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. С. 45–49.

Рукавицина, Е. А. (2009) К вопросу историографии старообрядчества в Туве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. №4. С. 88–91.

Стороженко, А. А. (2004) Старообрядчество Тувы во второй половине XIX — первой четверти XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. н. Кызыл. 23 с.

Татаринцева, М. П. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. С. 137–143. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-137-143

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Walters, F. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? // Religion, State and Society. Vol. 29, issue 1. P. 23–38. DOI: 10.1080/09637490120061877

Дата поступления: 15.07.2016 г.

REFERENCES

Boiko, E. S. (2011) *Materinskaia rechevaia deiatel'nost' v sotsiume staroverov na Enisee*. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. 328 p. (In Russ.).

Kremleva, I. A. (1997) Staroobriadchestvo. In: *Russkie*, ed. V. A. Aleksandrov. Moscow, In-t etnografii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia. 828 p. Pp. 710–721. (In Russ.).

Pokrovskii, N. and N. Zol'nikova, N. D. (2002) *Staroobriadtsy-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv. Problema tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. 471 p. (In Russ.).

Raskov, D. S. (2001) Khoziaistvennaia etika russkogo staroobriadchestva. In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi : Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 45–49. (In Russ.).

Rukavitsina, E. A. (2009) K voprosu istoriografii staroobriadchestva v Tuve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4, pp. 88–91. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2004) *Staroobriadchestvo Tuvy vo vtoroi polovine XIX — pervoi chetverti XX vv.* : Abstract of Dissertation... Candidate of History. Kyzyl. 23 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2015) *Staroobriadtsy Tuvy: retrospektiva i sovremenniy etap.* In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi : Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 137–143. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-137-143 (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Staroobriadtsy v Tuve : istoriko-etnograficheskii ocherk.* Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Walters, F. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*, vol. 29, issue 1, pp. 23–38. DOI: 10.1080/09637490120061877

Submission date: 15.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/465> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva at the beginning of the 20th century and under People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/465> (accessed: ...).